

Н.Е. Ефрос

Сверчок на печи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Е. Ефрос**
Сверчок на печи / Н.Е. Ефрос – М.: Книга по Требованию, 2019. – 116 с.

ISBN 978-5-517-83333-4

Сверчок на печи.
Инсценированный рассказ Ч. Диккенса.
Студия Московского Художественного театра

ISBN 978-5-517-83333-4

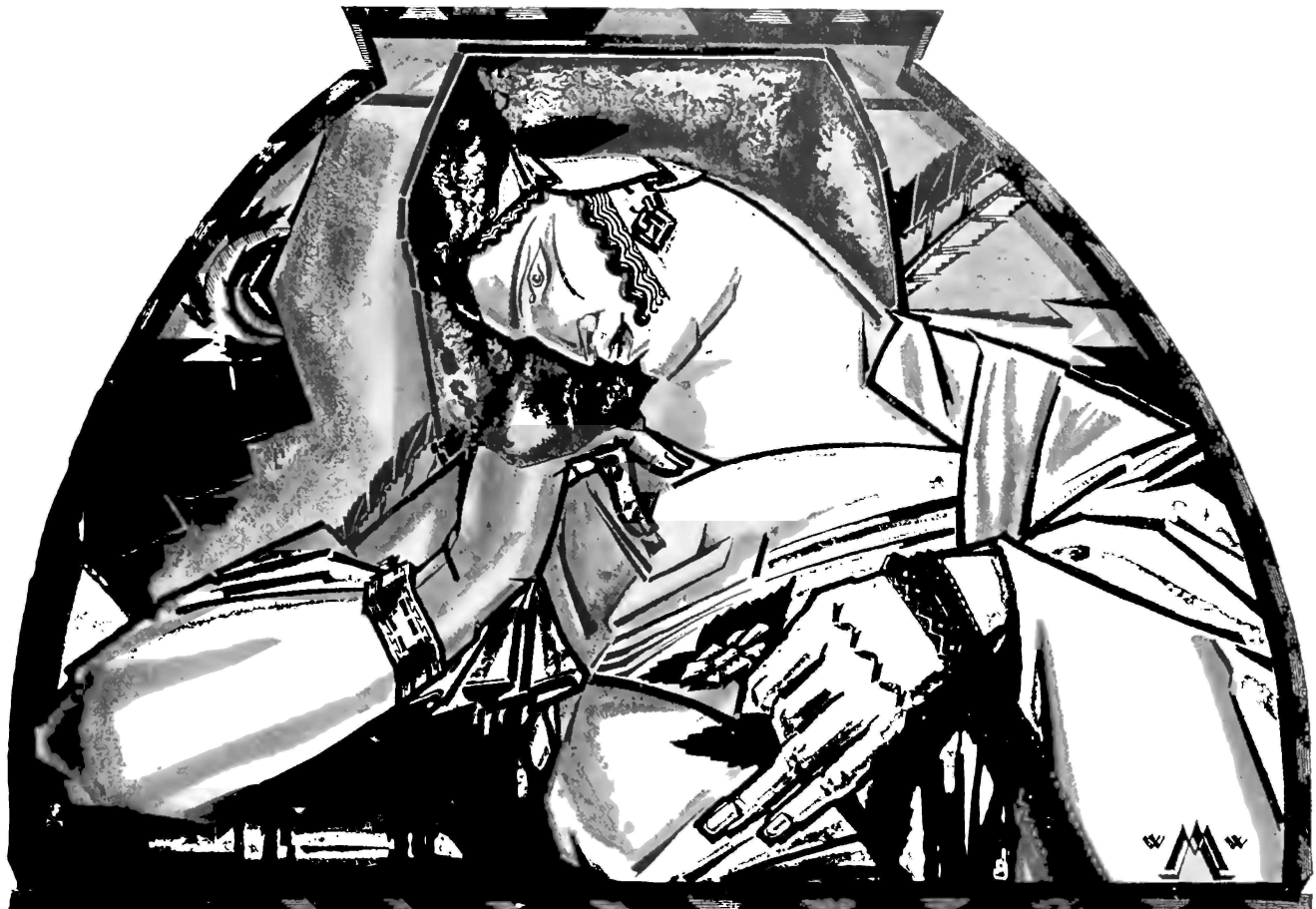
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТУДИЯ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

I.

верчокъ на печи» былъ сыгранъ 24-го ноября 1914 г.

Вы помните, какіе тогда были дни, чѣмъ былъ насыщенъ воздухъ. Истекли четыре мѣсяца войны. Уже совсѣмъ мало оставалось утѣшительно вѣрившихъ въ скорый конецъ этого діаволова навожденія на міръ. Ужъ и глазамъ близорукимъ или затуманеннымъ, умамъ легкомысленнымъ или заутареннымъ открывалось отчетливо: влечемся мы въ нѣкую бездну, въ разореніе и озвѣреніе, обрекаемся гибели. Правда о войнѣ, рвавшая покровы всякихъ иллюзій, дѣлавшаяся жестокою до

нестерпимаго,—она начинала все пошлѣе доходить до общаго сознанія. Ширилась и пошила безумно рѣка крови. Все чаще были дома и семьи, гдѣ падали тяжелыя слезы, гдѣ воздухъ раздирался воплемъ отчаянія или крикомъ проклятія. Побѣлѣвшія губы шептали слова заукокойной молитвы или

допытывали о судьбѣ «безъ вѣсти пропавшихъ». Развернуть утромъ газетный листъ было страшно. И страшно прислушаться къ чьему-нибудь, хорошо осведомленному, разсказу. Тревога острая, какъ ножъ, укоръ безсильный, гложущая тоска. отъ которой свертывались послѣдніе блѣдые цвѣтики радости и на-

„Калебъ“.

М. А. Чеховъ.

дежды,—кто не носилъ тогда всего этого въ себѣ? Было это—неодолимое, неотвизное и вездѣсущее. Мысль не отрывалась отъ жуткихъ вопросовъ, ожиданій, предсказаній, предчувствій. И къ странному привыкаютъ, со всеѣмъ еживаются. Тогда такой привычки еще не было. Душа была какъ открытая свѣжая рана.

„Малютка“: Тише Джонъ, онъ спитъ...

Дѣйствіе I (сцена I).

Участники: Малютка — М. А. Дурасова, Джонъ — Г. М. Хлара, Тилли — М. А. Успенская.

Эту смиренность, удрученность, свищовую озабоченность принесли въ себя въ маленькую залу Студіи, къ ей задернутому занавѣсу, и тѣ полтора часа, которымъ предстояло быть первыми зрителями диккенсовской сказки о «Сверчкѣ на печи». Лица были хмурыя, подергивались углы губъ, лежали тѣни подъ усталыми глазами. Пока не начался спектакль, перекидывались вопросами, слухами, мнѣніями. Меньше всего говорили о предстоявшемъ спектаклѣ, о театрѣ. Ясно чувствовалось: собственно, всѣмъ здѣсь не до него, не до искусствъ и ихъ радостей. Еще можно отдать представленію «Сверчка», если оно удалось студіицамъ, какую-то самую поверхностную часть вниманія, любованія, но ужъ конечно — не душу, не глубокія, горячія, трепетныя волненія...

И случилось чудо. Осуществилось неожиданное. Была раскована броня на душѣ, сняты преграды на путяхъ къ ней. Широко раскрылся ласковый слухъ, сталъ онъ чутко-внимателенъ, и «весь насквозь просвѣжился зритель», какъ говорилъ гдѣ-то въ «Перепискѣ» Гоголь, описывая лучшее, желаннѣйшее воздѣйствіе театра. Иллюзорность, «зеркальность» театра, — онъ на нѣсколько

часовъ стали реальнѣе самой дѣйствительности и благородно подчинили ее себѣ, очистили черезъ себя. «Будьте какъ братья» — это струилось черезъ все поры спектакля, запечатлѣннаго гениемъ нѣжнаго, любящаго и правдиваго сердца.

„Джонъ“.

Г. М. Хмара.

Это властно ложилось въ душу. И это сумѣло заглунить, хоть не надолго, мысль о человѣкѣ, который человѣку — волкъ. Это торжествовало своею высшею, подлинною, давно вѣдомою, но всегда новою правдою надъ мнимую истинною о волкоподобіи.

КОНСТАНТИНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ СТАНИСЛАВСКІИ.
1918 г.

Началось чудо съ перваго-же момента, когда въ черной темнотѣ заструились какіе-то наивно-простые музыкальные звуки, прокраснѣвъ въ этой темнотѣ огонекъ, въ углу направо, и вырвалъ изъ нея чей-то смутный, точно дрожащій, не желающій оформиться прочно, обликъ. Мягкимъ хриплымъ шопоткомъ кто-то изъ темноты сталъ рассказывать о сердито-подбочившемся и обиженно закипѣвшемъ чайникѣ, о сверчкѣ на печи и его милой пѣснѣ, объ извозчикѣ Джонѣ Прибинглѣ, который вотъ сейчасъ везетъ во вьюгу почту и который такъ любитъ свою жену—«малютку», и о самой «малюткѣ». Мягко струился шопотъ. И съ этими шопотами, съ этими звуками, шумами, напояніями, обѣщаніями стало литься въ душу, сквозь броню, что выковали вокругъ нея настроенія и тревоги военныхъ дней,—великое очарованіе. Оттаивалъ какой-то ледъ у сердца, смиралася души тревога и расходились морщины, пробивала себѣ путь свѣтлая ясность.

Спектакль развертывался въ радостяхъ и скорбяхъ дома Прибинглѣ и каморки стараго игрушечника Калеба, въ столкновеніяхъ и примиреніяхъ диккенсовскихъ лицъ, получившихъ второе рожденіе, вторую художественную жизнь. И все сильнѣе было дѣйствіе чуда. Все болѣе «просвѣжался зритель», все глубже было перерожденіе его настроеній и самочувствій. Когда-же спектакль 24-го ноября подходилъ къ концу, когда всѣ секреты раскрылись, смело съ горизонта всѣ тучи, и «малютка» Мери Прибинглѣ съ мокрыми еще глазами говорила большому глупому Джону: «Нѣтъ, Джонъ, ты подожди еще минуточку меня любить»,—тогда уже не было льда ни у чьего сердца, переливалась горячая, нѣжная радость, сталася умиленность. Слезы, легкія и счастливыя, подступали къ горлу, просясь пролиться облегченіемъ. И когда у высокаго камна, за которымъ—сверчокъ, заплясали всѣ, и даже самъ мистеръ Текльтонъ, тоже понявшій, что всѣ люди—братья, и что лучше любить, чѣмъ враждовать и надменничать,—тогда показалось при свѣтѣ, зажженномъ спектаклемъ-сказкою, что жизнь еще будетъ справедлива, чиста, добра и прекрасна. И не черезъ двѣсти—триста лѣтъ.

«Какъ будто одно прикосновеніе къ этому міру уже снимаетъ тяжесть современныхъ раздоровъ и современныхъ неурядицъ, какъ будто дѣйствительно виновныхъ нѣтъ, всѣ люди правы»,—такъ писалъ на завтра послѣ вечера 24-го ноября одинъ изъ московскихъ театральныхъ критиковъ, П. Игнатовъ, пробуя отразить свои впечатлѣнія отъ «Сверчка», то, что поднято имъ въ очарованной душѣ. Петербургскій же критикъ, Александръ Бенуа, свидѣтельствовалъ въ своемъ фельетонѣ о «Сверчкѣ», что этимъ спектаклемъ «пробуждена наша омертвѣлая способность къ самоотверженной любви». «Вы заставили смѣяться дѣтскимъ веселымъ смѣхомъ, плакать теплыми умиленными слезами, радоваться чистую, высокой радостью»,—такъ писала извѣстная

артистка всему коллективу юных товарищей по искусству послѣ спектакля «Сверчка», въ письмѣ, которое я нашелъ въ маленькомъ архивѣ Студіи.

Въ тотъ вечеръ 24-го Ноября 1914 г. Студія, раньше нѣмъ и за театръ-то настоящій, всамдѣлшнній не признававшаяся,—вознеслась на высоту общаго восторженнаго призванія. Стала знаменитою.

